Харитонов Михаил Юрьевич
канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой
Харитонова Светлана Брониславовна
канд. ист. наук, доцент, начальник отдела

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРЕДЕЛЬНЫЕ СРОКИ ВЕДОМСТВЕННОГО ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ АРХИВНОГО ФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация: *в статье исследуется механизм, определяющий фактическую доступность документов Архивного фонда Российской Федерации для научного сообщества. Показано, что границы знания о недавнем прошлом формируются не только общими нормами архивного права, но и совокупностью предельных и договорных сроков ограничения доступа, включая 75-летний срок для сведений о личной и семейной тайне и продлённый до 2044 г. режим секретности документов органов государственной безопасности. На основе анализа российского законодательства и сравнительного обзора зарубежной практики обосновывается вывод о том, что правовые системы независимо воспроизводят близкие по продолжительности сроки закрытия документов, соотносимые с длительностью человеческой жизни. Рассматривается динамический характер границы доступа к архивным документам и предлагаются меры по повышению прозрачности депозитарной модели их хранения.*

Ключевые слова: *Архивный фонд Российской Федерации, ведомственное хранение, депозитарное хранение, сроки хранения документов, ограничение доступа, рассекречивание, права исследователей, доступ к архивным документам.*

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Федеральный закон от 22 октября 2004 г. №125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (далее – Закон об архивном деле) гарантирует открытость Архивного фонда Российской Федерации: доступ к его документам, за исключением ограниченных на законных основаниях, предоставляется всем пользователям. Однако фактическое положение исследователя существенно отличается от декларации закона. Значительная часть документов Архивного фонда десятилетиями не поступает в государственные архивы, оставаясь в ведомственном (депозитарном) хранении у создавших их организаций. Доступ к ним определяется не общими нормами архивного права, а договорами между ведомствами и Росархивом, условия которых в открытых источниках раскрываются редко. Масштаб явления определяется постановлением Правительства РФ от 27.12.2006 г. №808 «Об утверждении перечня федеральных органов исполнительной власти и организаций, осуществляющих депозитарное хранение документов Архивного фонда Российской Федерации, находящихся в федеральной собственности». По состоянию на ноябрь 2026 г. перечень включает 29 федеральных ведомств и организаций – от МВД и Минобороны до Росатома и РАН.

Актуальность темы определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, растет исследовательский запрос к документам советского периода: за последние годы заметно расширился поток публикаций и защищаемых диссертаций по истории 1920–1990-х гг., опирающихся на государственные архивы, и параллельно с этим растет разрыв между изученностью открытых и закрытых фондов. Во-вторых, в общественном дискурсе регулярно возобновляются дискуссии о недоступности архивов силовых ведомств. В-третьих, договорная модель депозитарного хранения не изучена системно: опубликованные исследования ведомственных архивов немногочисленны, а сами договоры Росархива с ведомствами публично не раскрываются.

Российская правовая система разграничивает два состояния документа. Пока материалы находятся в текущем делопроизводстве ведомства, действует режим защиты персональных данных, установленный Федеральным законом от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных». С включением докумен-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

тов в Архивный фонд применяется режим архивного хранения по Закону об архивном деле, при котором согласие субъекта персональных данных и уведомления регулятора заменяются сроком ограничения доступа. Этот срок повторяется во всех отраслях российского архивного права: статья 25 Закона об архивном деле закрывает сведения о личной и семейной тайне на 75 лет со дня создания документа, и та же цифра воспроизводится в отраслевых перечнях (в делах по личному составу, документах о прохождении службы в силовых ведомствах, нотариальных реестрах, личных делах обучающихся).

Единственное систематическое исключение из этой нормы лежит не в сфере доступа, а в сфере хранения: значительная часть фондов десятилетиями вообще не поступает в государственные архивы, оставаясь у создавших их ведомств. Речь идет о так называемом депозитарном хранении: перечень организаций, которые вправе удерживать документы Архивного фонда у себя, установлен постановлением Правительства РФ от 27.12.2006 №808, а сроки определяются договорами между ведомствами и Росархивом. Эти договорные нормы не сводятся ровно к 75-летнему сроку: у МВД он составляет 85 лет, у Минобороны – 75 лет, у Росатома – 100 лет. При этом, как отмечает А.А. Торопов, значительная часть документов федеральных структур удерживается в ведомственных архивах сверх установленных сроков «по решению самих ведомств, вопреки установленному порядку и не связан с дефицитом площадей в федеральном архиве» [1]. Опубликованный договор Росархива с ФМС (2009 г.), с ведомством, унаследовавшим паспортно-миграционные функции МВД, показывает устройство этой модели (размещен на официальном сайте Росархива). По истечении 85 лет там хранятся и приказы по основной деятельности, и кадровые документы, и основания выдачи паспортов. Договор с МВД, напротив, в открытом доступе не публиковался.

Сверх договорных сроков действует и режим государственной тайны, установленный Законом РФ от 21 июля 1993 г. №5485–1 «О государственной тайне». Засекречивание массивов органов госбезопасности за 1917–1991 гг. решением Межведомственной комиссии по защите государственной тайны про-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

длено до 2044 г., что позволяет удерживать гриф на значительной части фондов и после истечения любых формальных сроков. В результате документы 1920–1991 гг. у силовых ведомств остаются вне государственной архивной сети.

Особое положение занимает МИД России: документы внешней политики хранятся в двух собственных ведомственных архивах: Архиве внешней политики Российской империи и Архиве внешней политики Российской Федерации. Доступ к ним осуществляется через Историко-документальный департамент МИД по особой процедуре. Оно оформляется до месяца (для иностранных исследователей – до полутора), архив вправе ограничить предоставление материалов по собственному усмотрению, а подлинные международные договорные акты и дела, отражающие внутреннюю деятельность министерства, в читальный зал не выдаются вовсе (порядок допуска на сайте Историко-документального департамента МИД России).

Правовая рамка доступа исследователей к документам формируется двумя положениями. Конституция Российской Федерации (ст. 29) закрепляет право каждого свободно искать, получать и передавать информацию. Статья 24 Закона об архивном деле устанавливает право пользователя на доступ к архивным документам и оговаривает лишь ограничение доступа к документам, содержащим охраняемые законом сведения – государственную и иную охраняемую законом тайну, а также персональные данные. Приказом Росархива от 31.07.2023 №77 утверждены Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных органах, органах местного самоуправления и организациях, которые детализируют порядок предоставления документов и работу с ограниченно доступными фондами. Однако фактическое положение исследователя определяется не этими нормами, а тем, где физически находится документ. Если материалы включены в Архивный фонд и переданы в государственный архив, действует общий порядок доступа. Если они удерживаются ведомством по договору депозитарного хранения, тогда доступ регулируется ведомством. Разница становится заметной при сравнении двух архивов одного ве-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

домства: документ из фонда МВД в государственном архиве исследователь получает в читальном зале в общем порядке, а тот же комплекс документов в ведомственном архиве МВД – по административной процедуре с согласованиями.

История знает периоды, когда граница резко сдвигалась. В 1990-е гг. произошла «архивная революция»: массовое рассекречивание документов, ставшее частью общих революционных перемен в стране и породившее целый комплекс радикальных преобразований архивной отрасли [2; 5]. Значение открытости архивов для науки показывает и общий закономерный фон: позиция исследователя в системе ограниченного доступа к архивным документам непостоянна. Как показывает Т. Гартон Эш, знание о недавнем прошлом историк получает лишь тогда, когда архивы открыты, – поэтому доступ к ним является не вопросом исследовательского удобства, а условием самой возможности знания [3]. Обнаруживается и практическое измерение этой зависимости: полемика немецкого историка Ф. Фишера, ставшая возможной лишь после того, как он одним из первых получил систематический доступ к документам МИД Германской империи, целиком перестроила дискуссию о причинах Первой мировой войны [4]. Можно сделать вывод, что открытие архива меняет саму природу доступного знания.

Сравнительный обзор подтверждает общую закономерность. В Великобритании Закон о публичных записях 1958 г. закрепил 30-летний срок закрытия (до 1967 г. действовал 50-летний), однако реформой 2010 г. его сократили до 20 лет, и к 2023 г. переход был завершен (сайт Правительства Великобритании). Однако при этом, материалы, связанные со службами безопасности, изымаются из общего режима по Закону о свободе информации. В Германии федеральный архивный закон устанавливает общую защиту 30 лет, но для персональных документов срок исчисляется иначе: 30 лет после смерти лица, а при невозможности установить год смерти – 110 лет после рождения. Во Франции общий срок составляет 50 лет, для персональных и чувствительных документов – 75 лет. В США исполнительный приказ Президента №13526 от 29 декабря 2009 г. «Classified National Security Information» закрепляет автоматическое рассекречивание через 25 лет с последующим возможным продлением до 50 лет

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

для агентурных источников (опубликован на сайте Национального архива США).

Полученные результаты резонно ставят вопрос о внутренней логике таких значительных сроков хранения. Обращает на себя внимание то, что шкала предельных величин (75 лет ограничения доступа к персональным данным, 85 лет депозитарного хранения у МВД России, 100 лет у Росатома и в книгах актов гражданского состояния) не производит впечатления расчетной: ни одна из этих цифр не выводится из нормотворческой процедуры, и ни в одном акте она не обоснована. Между тем их повторяемость в нормативных актах разного уровня и разной отраслевой принадлежности указывает, что перед нами не сумма ведомственных конвенций, а отражение устойчивого культурного представления о пределе живой памяти. Это представление совпадает с длительностью человеческой жизни, округленной до круглого числа: ведомственная практика воспроизводит его независимо от исходной задачи регулирования – охраны ли персональных данных, государственной тайны или депозитарного хранения. Допустимость такого прочтения подтверждает сравнительный материал. Правовые системы, никогда не согласовывавшие сроки закрытия документов друг с другом, приходят к величинам одного порядка: 72-летнее правило американской переписи населения (сайт Бюро переписи США), столетнее закрытие британских реестров, включая Регистр 1939 г. (материалы The National Archives), 110-летний предел немецкого закона о персональных документах. Совпадение российских и зарубежных сроков объясняется, по-видимому, тем, что все они калибруются одной и той же внеюридической величиной: продолжительностью жизни поколения (пока живы люди, чьи персональные данные заключены в документе или чей жизненный опыт образует его содержание, документ сохраняет режим защиты, а когда это поколение уходит, документ переходит в общее достояние).

Из той же логики следует динамический характер шкалы. Сроки исчисляются от даты документа, а не от события, поэтому граница открытия не фиксирована: она ежегодно смещается, и документ, закрытый сегодня, открывается

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

автоматически, без специального решения. Ведомственное хранение и ограничение доступа задают, таким образом, не единую дату, а ряд разных сроков, ежегодно сдвигающихся вперед: единого предела, после которого фонды открываются все сразу – не существует. При этом внутри 75-летней нормы действует 100-летний срок (книги регистрации актов гражданского состояния с 2002 г.; договор Росархива с Росатомом), а продление засекречивания массивов органов госбезопасности до 2044 г. отодвигает открытие отдельных фондов за пределы столетнего рубежа.

Отсюда вытекает обобщение, объединяющее наши наблюдения. Граница доступного исследователям знания о недавнем прошлом определяется в России не общими нормами архивного права, гарантирующими открытость Архивного фонда, а предельными и договорными сроками ведомственного удержания документов: система депозитарного хранения действует не как исключение из общего правила, а как легализованная модель, закрепленная постановлением Правительства РФ №808 и договорами Росархива с ведомствами. Выявленная шкала не является деталью ведомственного делопроизводства, а реально действующий механизм: он лишь отчасти зависит от воли законодателя и в значительной мере воспроизводит устойчивое представление о пределе живой памяти. Практические следствия такого понимания непосредственно вытекают из анализа: представляется целесообразным опубликование всех действующих договоров о депозитарном хранении, установление единого предельного срока депозитарного хранения документов Архивного фонда, регулярный публичный пересмотр решений о продлении сроков засекречивания и единые планы рассекречивания для ведомств с депозитарными договорами.

Список литературы

1. Торопов, А. А. Проблемы приема на государственное хранение документов федеральных структур в Дальневосточном федеральном округе и пути их решения / А. А. Торопов // Отечественные архивы. – 2020. – № 3. – С. 26–31.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

2. Пихоя, Р. Г. «Архивная революция»: двадцать лет спустя. Часть 2. Архивы в России. 1992–1993 / Р. Г. Пихоя // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. – Москва : Наука, 2013. – С. 3–25.

3. Гартон Эш, Т. Расчеты с прошлым: судить нельзя помиловать / Т. Гартон Эш // Интеллектуальный форум. – 2001. – Вып. 7. – С. 6–41.

4. Fischer, F. Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18 / F. Fischer. – Düsseldorf : Droste, 1961. – 896 S.

5. Калашников, В. Б. Культурный WinRAR: архивная революция и ее восприятие в российской культурной практике / В. Б. Калашников // Философические письма. Русско-европейский диалог. – 2026. – Т. 9, № 1. – С. 266–286.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)